

I . Двадцать первых лет

Рюриковичи на Пречистенке

Район в центральной части Москвы, между улицами Арбат и Пречистенка, носивший общее название Старой Конюшенной и неофициальное - Сен-Жерменское предместье Москвы (по аналогии с Парижем), считался издавна аристократическим. Здесь находились особняки, принадлежавшие потомкам некогда знатных семейств. Большинство из них утратили свое величие, но княжеские и графские титулы сохранили. В одном из этих особняков родился 27 ноября (9 декабря по новому стилю) 1842 года Петр Алексеевич Кропоткин. Об этом сообщает установленная на доме 26 по Кропоткинскому переулку, соединившему Пречистенку с Садовым кольцом, памятная доска с барельефом работы скульптора С. А. Меркурова. Напротив - печально известный Государственный научный центр судебной психиатрии имени В. П. Сербского. Через него прошли многие диссиденты советских времен, а в самом доме, где до 1940 года существовал музей П. А. Кропоткина, расположилось теперь Посольство Палестины. Дом в переулке (до 1921 года назывался Штатным) хорошо сохранился. Внешне он совсем не изменился с тех пор, как его хозяином 140 лет назад был князь Алексей Петрович Кропоткин, отставной генерал-майор, владевший тремя имениями в Калужской, Рязанской и Тамбовской губерниях. Ему принадлежали тысяча двести крепостных. Этот вполне заурядный помещик необыкновенно гордился своей родословной, из которой выходило, что он потомок легендарного Рюрика, основателя первой царской династии на Руси.

Знаменитый князь Игорь, убитый покоренными им древлянами в 945 году, был сыном Рюрика, предводителя викингов из Упсалы, приглашенного на Русь, в Новгород, «править и владеть». Потомки его сына киевского князя Святослава Игоревича - князь Владимир, в 988 году крестивший Русь, его сын Ярослав Мудрый и внук Владимир Мономах. Мстислав Удалой - последний в роду киевский князь. С девятого поколения рюриковичей, с князя Ростислава, началась «ветвь» князей смоленских. Один из них - Дмитрий Васильевич, умерший в 1470 году, прозван был за свой трудолюбивый характер Кропоткой. При нем упразднено Смоленское княжество, и дети его получили фамилию Кропоткиных. В начале XVII века, в смутное время, был в их роду бунтарь, ходивший с войском Лжедмитрия против московского боярства, за что попал в немилость у царей Романовых. Большинство же Кропоткиных служили воеводами-стольниками в разных российских городах - от Нарвы до Сургута.

Петр Алексеевич Кропоткин был рюрикович «в тридцатом колене». Его дед Петр Николаевич, участник войны 1812 года, вышел в отставку поручиком и обвенчался с княжной Прасковьей Гагариной, брат которой, Иван Гагарин, большой любитель театра, женился вторым браком на великой русской актрисе, бывшей крепостной, Екатерине Семеновой. Брат отца, Дмитрий Петрович - литератор, переводчик, поэт - сотрудничал в

популярных журналах «Библиотека для чтения» и «Сын Отечества».

Петр Николаевич поселился в рязанском имении Урусове и купил села с крепостными в других губерниях. Три из них по наследству достались Алексею Петровичу. Ближайшее к Москве - имение Никольское в Мещевском уезде Калужской губернии служило своего рода летней резиденцией княжеского семейства.

Алексей Петрович Кропоткин как штабной офицер участвовал в русско-турецкой войне; и хотя получил орден Анны и золотую шпагу, особыми заслугами не отличился. Потом принимал участие в подавлении Польского восстания 1831 года. Там, в Варшаве, он познакомился с дочерью командира корпуса генерала Николая Семеновича Сулимы. Екатерина Николаевна Сулима стала его женой. Это была высокая, стройная девушка, с темно-кариими глазами и густыми каштановыми волосами. Очень живая, артистичная. Свадьба состоялась в королевском дворце Лазенки, а посаженным отцом невесты был командующий армией, усмирявшей восстание, грозный генерал Иван Паскевич.

Род, с которым породнился Алексей Кропоткин, по-своему был знатным и древним. Наиболее известного его представителя - украинского гетмана Ивана Сулиму, боровшегося за независимость Украины от Польши, четвертовали в 1635 году в Варшаве. Его потомок, отец Екатерины Сулимы, - генерал, герой Бородинского сражения, не пожелал служить у всемогущего временщика Аракчеева и добровольно отправился в «почетную ссылку» в Сибирь, став генерал-губернатором в Западной, а потом в Восточной Сибири.

«В то время такой пост считался более прибыльным, чем золотой прииск; но мой дед возвратился из Сибири таким же небогатым человеком, каким отправился туда. Он оставил своим трем сыновьям и трем дочерям лишь маленькое наследство. Когда я в 1862 году поехал в Сибирь, то часто слышал его имя, произносившееся с большим уважением. Чудовищное воровство, царившее тогда в Сибири, с которым мой дед был не в силах бороться, приводило его в отчаяние»¹.

1 Кропоткин П. А. Записки революционера.- М. Л.: Academia, 1933. - С. 13 (далее по тексту: Записки).

Там, в Сибири у Екатерины Николаевны и Алексея Петровича Кропоткиных родилось четверо детей. Для двоих сыновей Сибирь станет важнейшим фактом их биографии. Но не довелось Екатерине Николаевне вырастить своих детей. Она заболела чахоткой и на тридцать пятом году жизни умерла, когда старшему сыну Николаю шел двенадцатый год, дочери Елене - одиннадцатый, сыну Александру было пять лет, а Петру - всего три с половиной...

Он ощутил духовное влияние матери, когда ее уже не было, и потом смог откровенно сказать: «Все мое детство перевито воспоминаниями о ней» ².

2 Там же, С. 14.

Находка в кладовой бумаг матери - произвела на мальчика сильнейшее впечатление. Это были дневники, которые она вела в Германии, где лечилась на водах, тетради с запрещенными цензурой русскими стихами, в том числе повешенного Николаем I

декабриста Кондратия Рылеева, нотами, французскими драмами, поэмами Байрона, собственными стихами и акварелями... Екатерина Николаевна была разносторонне одаренной женщиной, восприимчивой к прекрасному. Вот как писал о ней спустя много лет ее младший сын - в «Записках революционера»: «Моя мать, без сомнения, для своего времени была замечательная женщина... Все знавшие ее любили ее. Слуги боготворили ее память... Не знаю, что стало бы с нами, если бы мы не нашли в нашем доме среди дворовых ту атмосферу любви, которой должны быть окружены дети... Ее не было, но память о ней носилась в нашем доме, и когда я теперь оглядываюсь на свое детство, вижу, что обязан ей теми лучшими искорками, которые запали в мое ребяческое сердце» 3.

3 Там же.

Всю свою долгую жизнь Кропоткин возил с собой портрет матери, и он всегда висел над его рабочим столом.

Отец был совсем иной... И отношения детей с ним, в особенности сыновей, были непростыми. Через два года после смерти первой жены отец женился снова - на дочери адмирала Черноморского флота М. Карандино. Обстановка в семье сильно изменилась. Мачеха не считала нужным заниматься «не своими» детьми, особенно когда родилась ее дочь Полина. Из дома исчезло все, что могло напомнить ее предшественницу. Рассчитали и заменившую детям мать - добрую старушку-немку мадам Бурман. Такое поведение взрослых еще более возвышало в глазах детей светлый образ их покойной матери.

В это время старший брат Николай уже учился в Московском кадетском корпусе, сестра Лена - в Екатерининском институте в Петербурге. Домой они приезжали редко. Дома оставались пока только Саша и Петя, целиком предоставленные гувернерам. Тогда и возникла необычайная дружба двух братьев Кропоткиных, разница в возрасте которых была немного больше года. Старшим был Александр.

«С ним мы выросли, с ним мы сроднились. С ним и после мы были вместе до тех пор, пока судьба не разбросала нас по тюрьмам и ссылкам. Чтобы учить нас, приставили дорогого француза-гувернера мосье Пулэна и наняли задешево русского студента Н. П. Смирнова. Во многих домах в Москве были тогда французы-гувернеры, обломки наполеоновской великой армии. Пулэн тоже принадлежал к ней и только что закончил воспитание младшего сына романиста Загоскина... Отец мой, не колеблясь, пригласил Пулэна за высокую по тому времени плату - 600 рублей в год...» 1

1 Записки, С. 16.

Монаршая милость

Судьба братьев сложилась по-разному, хотя отец готовил их, как и старшего сына Николая, исключительно к военному поприщу. Избежать этой же участи Петру помог счастливый случай. Почти как в сказке, ему выпала вдруг царская милость.

То были годы правления императора Николая I, начавшегося с жестокого подавления бунта офицеров-декабристов. Пятеро были повешены, а остальные заговорщики отправлены на каторгу, в Сибирь. Такое начало определило характер всей эпохи. Никогда, ни до, ни после этого времени, государственность в России не чувствовала себя столь могучей, уверенной, незыблемой. Это было время господства иерархии власти, чиновников и жандармов, палочной дисциплины, жестокой цензуры, подавления всякого свободомыслия, и в результате глубокого разложения общества - апофеоз - поражение в Крымской войне. Николаевская эпоха...

В 1847 году, отбыв ссылку, покинул родину Александр Герцен. В конце 1849 года произошла расправа с участниками кружка М. В. Буташевич-Петрашевского*, обсуждавшего утопические идеи Фурье. Готовившийся расстрел кружковцев был в последнюю минуту заменен каторгой. Среди подвергнутых наказанию - молодой писатель Федор Достоевский.

См. указатель имен в конце книги.

Детские годы Петра Кропоткина пришлось как раз на это время.

В конце 1850 года, в ознаменование 25-летия царствования Николая I в Благородном собрании Москвы на Малой Дмитровке (ныне Дом Союзов на Пушкинской улице) давали грандиозный бал. Верноподданное дворянство «второй столицы» устроило для царской семьи представление в костюмах всех народностей, входящих в состав Российской империи. Генеральше Назимовой, которая когда-то была дружна с Екатериной Николаевной, надлежало явиться на бал в одеянии персидской царицы в сопровождении восьмилетнего сына, одетого в такой же богатый наряд. Но перед самым балом он заболел, и генеральша обратилась к юным Кропоткиным. Для Александра костюм оказался мал, а семилетнему Пете пришелся впору. Так он попал на царский бал, определивший его судьбу.

Дети представляли шестьдесят губерний России, и у каждого ребенка был в руке жезл с гербом одной из них. Петя, одетый в восточного вида костюм, с поясом, украшенным драгоценными камнями, держал герб Астраханской губернии. Нужно было склонить губернские гербы перед самодержцем. Но тут дядюшка Пети, литератор Дмитрий Гагарин, одетый тунгусом, поднял мальчика на руки и поставил на платформу перед царем, которому захотелось поближе рассмотреть забавного в своем наряде «астраханца».

Его усадила рядом с собой императрица Александра Федоровна, женщина добрая, страдавшая от грубости супруга-солдафона. Петя, устав от грандиозного зрелища, заснул, положив голову ей на колени. Пока он спал, царь распорядился: пусть князь Кропоткин учится в пажеском корпусе.

Попасть в привилегированный Его Величества корпус считалось большим счастьем. По окончании его открывались блестящие возможности: карьера при дворе, в гвардии или на дипломатическом поприще. Надо только подрасти, а будущее Петру уже обеспечено неожиданно снизошедшей на него монаршей милостью.

Мог ли император тогда предполагать, что милый мальчик в меховой шапке и восточном костюме, юный князь Рюрикович станет врагом самодержавия, да еще - страшно подумать - анархистом, отрицателем власти. Не ведал этого, конечно, и сам «баловень судьбы».

Среди книг

Первые знания по школьной программе, как принято в дворянских семьях, были получены дома. Гувернер-француз Пулэн, познакомил детей с основами французской истории, географии и грамматики, а успехи в разговорной речи были столь значительными, что братья вскоре стали даже «думать по-французски». Студент юридического факультета Московского университета Николай Смирнов занимался с детьми русской грамматикой, литературой, а заодно и арифметикой. Ему обязаны братья обретением еще в детстве литературного вкуса. Они хорошо знали и любили произведения Пушкина, Гоголя, Некрасова и под их влиянием занялись собственным литературным творчеством. Целыми днями мальчики просиживали за сочинением стихов и рассказов. Составляли из них ежедневную домашнюю газету «Дневные ведомости», а затем - ежемесячник «Временник». Главным автором этих изданий был Петр, хотя он больше тяготел к научной тематике, в то время как у Александра рано проявилось поэтическое дарование.

Конечно, домашняя издательская деятельность развивалась под впечатлением от журналов, которые выписывал отец. Каждый месяц приходил «Сын отечества», не отличавшийся большим разнообразием материалов: в нем публиковалась «придворная хроника» и высочайшие рескрипты: поздравления, «пожалования» орденами, производство в звание, увольнения от должности. Но Алексею Петровичу хотелось, чтобы дети, особенно Петр, которому предстояло стать пажем, тоже увлеклись этой атрибутикой. Их же больше интересовали такие разделы в журнале, как «известия с Кавказа», где шла война с горцами, «новости ученого мира», литературные произведения. В «Сыне отечества» часто печатались «патриотические драмы» Нестора Кукольника, исторические романы Загоскина, переводы, например, романа популярного Эжена Сю «Мисс Мери». Все, что читали братья, отражалось в их домашнем журнальном творчестве.

Впервые из «Сына отечества» узнал Петр Кропоткин о долгом, но очень интересном пути из Москвы в Иркутск, о реке Обь, «едва ли имеющей соперниц на земном шаре», о «прекрасной науке» геологии. А в журнале «Московитянин» он прочитал о великом немецком географе Александре Гумбольдте*, к которому ездил в Берлин молодой русский путешественник Петр Семенов* перед тем, как отправиться в азиатский поход, в неведомые «Небесные горы» - Тянь-Шань. С этим человеком доведется Кропоткину сотрудничать в будущем.

Рано возник у Петра интерес к путешествиям, географии и геологии. Не случайно он переписал во «Временник» вступительную лекцию московского профессора по физической географии. По-видимому, она принадлежала известному метеорологу А. Ф. Спасскому, первым описавшему климат Москвы. Но главную роль в развитии интереса к природе сыграли ежегодные выезды на лето в имение Никольское Калужской губернии. Здесь, близ уездного старинного города Мещевска, на берегах тихой реки Серены, провели братья немало счастливых дней.

Да и сам переезд был увлекательным путешествием. Как только начинал бурно таять снег, и вниз по Сивцеву Вражку и другим переулкам устремлялись шумные потоки воды, начинались сборы, очень нелегкие: ведь надо отправить большую семью, человек двенадцать, да еще полсотни дворовых с детьми, все необходимые кухонные и домашние вещи. А до имения - 250 верст...

Сначала выходил в путь обоз дворовых: вверх по Пречистенке, по направлению к деревянному тогда Крымскому мосту и Калужским воротам. Княжеская семья трогалась дня через три-четыре в шестиместной карете и тарантасе. За пять дней добирались до Никольского, проезжая Подольск, Малый Ярославец, Тарутин, Калугу. По дороге догоняли обоз, который двигался совсем уж медленно: дворовые шли рядом с нагруженными доверху телегами все две с половиной сотни верст пешком. Когда ночевали в Малом Ярославце, Пулэн всегда водил детей на историческое Бородинское поле, подробно рассказывал о знаменитом сражении в сентябре 1812 года.

Особенно любил Петя отрезок пути в семь верст за Калугой до перевоза через речку Угру. Дорога пролегла через громадный сосновый бор на песках, в которых утопали лошади и экипажи, поэтому все шли пешком. Петя обычно уходил один далеко вперед. Он очень любил вековой сосновый бор: «В этом лесу зародилась моя любовь к природе и смутное представление о бесконечной ее жизни»¹, - вспоминал он.

1 Там же, С. 32.

А с искусством его впервые познакомили, как ни странно, дворовые барского дома. Отец, как и многие помещики в те времена, завел крепостной оркестр. Первой скрипкой его был полотер Тихон. Когда по воскресеньям взрослые отправлялись в церковь или в гости, а домашние наставники получали отпуск, в парадной зале под скрипку крепостного «виртуоза» затевались танцы и игры всей многочисленной княжеской челяди. Это делалось тайно, и дети никогда не выдавали слуг, даже если в результате этих невинных проказ что-нибудь из обстановки залы оказывалось разбитым или поврежденным.

Незабываемое впечатление производили на маленького Петю балаганы, устраивавшиеся на улицах и площадях города в дни масленицы. Затем возник интерес к театру. Прославленную балерину Фанни Эльслер, приехавшую на гастроли в Москву, смотрели в Большом театре всей семьей. Балет «Гитана, испанская цыганка» попробовали даже воспроизвести на домашней сцене. Так же копировались дома «Федра» Расина и другие спектакли Малого театра. Мальчиком видел Кропоткин великих актеров Малого Михаила Щепкина, Прова Садовского, Михаила Шумского - в «Ревизоре» и «Свадьбе Кречинского». Петя был еще очень мал, но посещения театра сыграли свою роль в формировании его личности, да так, что потом, в Сибири, он всерьез подумывал о выборе актерской профессии.

Но время шло. Александр поступил в Московский кадетский корпус, видеться братья стали только по праздникам, хотя корпус был в семи верстах от дома. С Петром занимался теперь учитель немец Карл Иванович, восторженно относившийся к Шиллеру. Воспоминания о матери, добрейшая мадам Бурман, словоохотливый Пулэн, прогрессивно мыслящий студент Смирнов, дворовые музыканты, театры Москвы, журналы, выписывавшиеся на дом - вот

атмосфера, в которой рос мальчик. Самую незаметную роль в его детской жизни играли отец и мачеха, а самую значительную - общение с братом Сашей. Их тяга друг к другу усилилась от того, что встречи стали редкими.

Одиннадцати лет Петю определили в Первую Московскую гимназию. Образованная из Главного народного училища, созданного в Москве Екатериной II, гимназия в 1854 году отметила свое пятидесятилетие. К юбилею был расширен круг дисциплин: дополнительно введено преподавание ботаники, зоологии, минералогии, анатомии. Гимназия занимала солидный трехэтажный дом у Пречистенских ворот, принадлежавший князю Г. С. Волконскому, напротив тогда еще только строившегося Храма Христа Спасителя. Но у гимназии была и своя церковь, с молитвы в которой начинался каждый учебный день.

Преподавание основных предметов было в значительной степени формальным и иногда шло, как вспоминал Петр, «самым бессмысленным образом». Например, он очень любил географию, хорошо ее знал. Но когда однажды учитель географии дал задание скопировать лист атласа, на котором была изображена Англия, и Петр принес тщательно выписанную, изящно раскрашенную карту - настоящее «художественное произведение», то получил двойку. За излишнее усердие...

Первая Московская гимназия была все же солидным учебным заведением. Здесь еще до Кропоткина учились историки М. П. Погодин и С. М. Соловьев, драматург А. Н. Островский. И преподавали в ней талантливые учителя. Законоведение вел юрист по образованию, замечательный поэт, один из удивительных русских людей Аполлон Григорьев, в те годы ведущий критик популярных журналов «Московитянин» и «Отечественные записки».

В «Московитянине» Петр прочитал восторженный отзыв Григорьева о первых комедиях Островского, в которых он прежде всего увидел народность в высоком значении этого слова. Рассуждая об этом понятии, Григорьев подчеркивал, что под народом понимает «собирательное лицо, слагающееся из черт всех классов народа, высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных, слагающихся не механически, а органически...» Эти размышления, несомненно, запали в душу юного Кропоткина, которой трудно было избежать двойственности. С одной стороны, мальчик знал, что он знатного рода, князь, с другой, для него не было ближе людей, чем дворовые, которые полностью находились во власти отца, часто несправедливого к ним, и которые с такой любовью вспоминали его мать. Потом он будет удивлять многих своей способностью понимать людей разных классов и сословий, умением находить с ними общий язык, опираясь на общечеловеческие ценности. Конечно, всю жизнь шло формирование его отношения к людям, но первый толчок душа получила в детстве.

Студент Николай Смирнов продолжал вести домашние уроки. Часто они состояли просто в чтении новинок литературы. А кое-что и переписывали от руки. Например, «Горе от ума», второй том «Мертвых душ» Гоголя, запрещенные цензурой стихи Пушкина, Лермонтова, А. К. Толстого. Читали вместе поэму Рыльева «Войнаровский», переписанную Сашей в кадетском корпусе специально для брата. С чувством религиозного благоговения проходили мимо дома Герцена в Сивцевом Вражке, а на Никитском бульваре - мимо дома, в котором болел и умер Гоголь. «Сивцев Вражек с его бурным ручьем, несшимся весной, во время

таяния снегов, вниз к Пречистенскому бульвару, не знаю почему, всегда представлялся мне центром студенческих квартир, где по вечерам ведутся между студентами горячие разговоры обо всяких хороших предметах», - вспоминал он в письме, написанном в 1914 году.

Ожидание перемен витало тогда в российских столицах. Их необходимость ощущали уже многие. Главное, что должно произойти и о чем говорят все - отмена крепостного права. Петр жил среди крепостных своего отца. В московском доме - 50 слуг, в селе Никольском - 75, более тысячи крепостных в трех губерниях. Добрый, чуткий, впечатлительный от природы Петя каждый день наблюдал, как отец обращается со своими слугами, не считая их за людей, называя «хамовым отродьем», не останавливаясь перед тем, чтобы собственноручно избить кучера, наорать на ключницу, послать неграмотного настройщика Макара с запиской, чтобы дали ему сотню розог. На всю жизнь запомнил Петр Кропоткин, как он весь в слезах выбежал в темный коридор, желая поцеловать руку униженному Макару, а когда тот сказал ему, не то с упреком, не то вопросительно, что будет он таким же, как его отец, воскликнул с горячей убежденностью: «Нет, нет, никогда!»

Одно из важнейших впечатлений детства - Крымская война против Турции, в союзе с которой в 1854 году выступили Англия и Франция. На эту войну шел из Кадетского корпуса брат Николай. Вернувшись с фронта, он стал пить. Отец, обнаружив эту склонность Николая, отдал его в монастырь: сначала он жил во Владимире, потом перевелся в Киево-Печерскую лавру, а в 1862 году, когда ему было 28 лет, сбежал из монастыря и исчез навсегда.

Серьезным событием была и смерть Николая I в 1855 году, совпавшая с поражением России в Крымской войне. Кончилась эпоха деспотизма. От вступившего на престол Александра II русское общество ожидало проведения давно назревшей крестьянской реформы. Но ее подготовка затягивалась.

Тем временем для Петра Кропоткина подошел срок поступления в Пажеский корпус.

В Пажеском Его Величества.

1857 год. На пятнадцатом году жизни Петр едет в Петербург, где его во исполнение воли Николая I зачислят в Пажеский корпус, самое привилегированное в то время учебное заведение, основанное Екатериной II для пополнения рядов своей гвардии. За 100 лет корпус окончили такие известные в российской истории люди, как писатели Федор Толстой и Александр Дружинин, Александр Радищев и Павел Пестель. Пажами были фельдмаршалы И. Ф. Паскевич, герой войны в Болгарии генерал И. В. Гурко, граф Н. Н. Муравьев-Амурский...

Петр стал одним из 150 воспитанников, принятых в самый младший, пятый класс. Учиться предстояло пять лет. Шестнадцать лучших учеников выпускного, первого класса, производились в камер-пажи императора и получали, таким образом, возможность приобщиться к дворцовой жизни. В корпусе господствовала атмосфера подчинения младших старшим воспитанникам (чем-то похожая на современную «дедовщину»),

процветали рукоприкладство и доносительство. Но проявившаяся в общественной жизни страны с началом царствования Александра II тенденция к либерализации стала заметна и в корпусе. Пришли новые преподаватели, и среди них два университетских профессора - историк И. С. Шульгин и литератор В. И. Классовский*, автор популярных книг «Теория и мимика страстей», «Помпея и открытие в ней древностей», «Мысли о воспитании». Первая же лекция профессора Классовского потрясла всех. Небольшого роста, стремительный в движениях, учитель словесности, русской грамматики и литературы, он давал своим ученикам значительно больше, чем от него требовалось. Спустя много лет Кропоткин вспоминал, что Классовский умел «связать в одно все гуманитарные науки, обобщить их широким философским мировоззрением и пробудить, таким образом, в сердцах молодых слушателей стремление к возвышенному идеалу».

Классовский заметил выдающиеся способности Петра Кропоткина и настойчиво советовал ему поступить после окончания корпуса в университет. «Вы будете славой русской науки», - говорил он ему. Действительно, у Кропоткина проявился интерес к науке. И с самого начала этот интерес был разносторонним.

С большой теплотой вспоминал Кропоткин выезды в летние лагеря в Петергофе. Там занимались топографическими съемками, которые доставляли ему «невыразимое удовольствие». И вот что его привлекало: «Независимый характер работы, одиночество под столетними деревьями, лесная жизнь, которой я мог отдаваться без помехи...»

Пригодился гимназический опыт в рисовании географических карт. Петр снабжал всех своих одноклассников маленькими карточками-шпаргалками, так что составил целый миниатюрный атлас.

Другая самостоятельная работа была сделана по физике. Преподаватель физики Чарухин предоставил Кропоткину право составить по конспектам своих лекций большую часть нового учебника. С таким же энтузиазмом он занялся и химией, организовав с четырьмя одноклассниками нечто вроде лаборатории, в которой ставились самые опасные опыты.

Еще на втором году учебы в корпусе Петр увлекся историей. Он даже составил для себя по записям лекций и учебникам свой собственный курс по истории раннего средневековья. А когда его глубоко интересовал какой-то частный вопрос этой истории, он проявлял большую настойчивость, добивался разрешения пользоваться столичной Публичной библиотекой, куда воспитанники средних учебных заведений не допускались. Здесь он работал с первоисточниками, написанными на старофранцузском и старонемецком языках.

Вот пример, который относится к его социологическим увлечениям, впервые также проявившимся в годы учебы в Пажеском корпусе. Во время летних каникул брат Саша, занимавшийся тогда политэкономией, посоветовал Петру сделать статистическое исследование ярмарки Мещевского уезда, ежегодно проходившей в селе Никольском, чтобы определить ее оборот. И Петр проделал эту достаточно серьезную работу.

Ярмарка собиралась в Никольском в июле, в день Казанской божьей матери, в храмовый праздник местной церкви. Накануне площадь, обычно пустынная, кипела жизнью.

Сооружался наскоро длинный ряд навесов, лавки для разного мелкого товара. В земле вырывались ямы для походных кухонь, готовивших щи и кашу для всей ярмарки: и для продавцов, и для покупателей. А тем временем по дорогам, ведущим к Никольскому, брел скот, грохотали телеги и возы, груженные нехитрым товаром: глиняной посудой, бочками с дегтем, домоткаными холстами, ситцем, пенькой, нитками, лентами, платками, сапогами, хлебом, пряниками... В каменном сарае был оборудован трактир, рядом - три новых кабака. И после торжественного молебна ярмарка открывалась.

Юный Кропоткин, в котором многие крестьяне узнавали молодого барина, с тетрадкой обходил всех приехавших торговать и записывал «привоз» - сколько какого товара поступило. А потом так же тщательно спрашивал всех, какая выручка получена. Так сложился определенный баланс торговых операций. Можно было делать какие-то выводы. И вот главный: «...здоровый смысл и способность быстрого русского крестьянина, выяснившиеся мне в эти два дня, произвели на меня глубокое впечатление». И еще один вывод сделал юный Кропоткин из своего общения с крестьянами на Никольской ярмарке. Он обнаружил дух равенства, присущий крестьянскому миру в отношениях с кем бы то ни было: «Никогда я не наблюдал в русском крестьянине того подобострастия, ставшего второй натурой, с которым маленький чиновник говорит о своем начальнике или лакей о своем барине» 1. Кропоткин возвратился в Петербург с первым научным социально-экономическим исследованием «Ярмарка в Унцовске», зашифровав название реального уездного Мещевска.

1 Записки, С. 73-74.

Столичное окружение приобщало к культуре. Юноша посещал оперы, вернисажи и очень много читал, пользуясь богатой библиотекой сестры Елены, жившей с мужем-юристом Н. П. Кравченко неподалеку от корпуса. Ему особенно близки были тогда стихи Некрасова и романы Тургенева, статьи Чернышевского и Добролюбова, печатавшиеся в журнале «Современник». Все это были «властители дум». Большинство пажей проходили мимо этих идей. Но ум юного Кропоткина их воспринял.

Успешный опыт домашнего «самиздата» Петр решил перенести в Пажеский корпус. Перейдя в третий класс, он задумал издавать рукописную газету под названием «Отголоски из корпуса». Сделал два номера. Каждый переписал в трех экземплярах и рассовал по столам тех, в ком чувствовал единомышленников. В этих листках утверждалось, что России нужна конституция, обличались непомерные расходы царского двора и злоупотребления чиновников. К счастью, корпусное начальство так ничего и не узнало. А друзья уговорили Петра не продолжать крамольное издание: дело могло кончиться намного хуже, чем просто заключение в карцер.

Воспитанник Кропоткин был склонен к философствованию и размышлениям. Огромное впечатление произвело на него чтение в подлиннике «Фауста» Гете. Он знал многие страницы наизусть. Особенный восторг вызывал монолог в лесу, в котором говорится о величии природы: «ты дал мне в царство чудную природу, познать ее, вкусить мне силы дал...» Потом он вспоминал:

«Бесконечность вселенной, величие природы, поэзия и вечно бьющаяся ее жизнь производили на меня все большее и большее впечатление. Никогда не прекращающаяся жизнь и гармония природы погружали меня в тот восторженный экстаз, которого так жаждут молодые натуры. В то же время у моих любимых поэтов я находил образцы для выражения той пробуждающейся любви и веры в прогресс, которой красна юность и которая оставляет впечатления на всю жизнь...» 1

1 Там же, С. 69.

Двоюродная сестра Варя Друцкая доставала для него «Полярную звезду», издававшуюся А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне. Альманах назван так же, как и издававшийся декабристами. На его обложке изображены профили пяти повешенных 14 декабря 1825 года декабристов. Этот запрещенный журнал вызывал страшное волнение. В нем - настоящее...

Уже в юношеские годы ощущал он неразделимую связь природы и общества.

Все события общественной и культурной жизни, новинки литературы обсуждались братьями в переписке, завязавшейся между ними, как только Петр уехал в Петербург. Они писали друг другу едва ли не каждый день. Их не по-детски серьезные письма свидетельствуют об огромной внутренней работе. Это было общение двух душ, двух умов, двух формирующихся личностей, очень близких и очень разных.

Александр чувствовал себя более взрослым и покровительствовал брату. Он был менее эмоциональным, в большей степени склонным к рационализму, чем Петр. В письмах тех лет чувствуется определенное лидерство Александра, его стремление при случае наставлять младшего брата; свои же возможности он оценивает очень высоко. А Петр, бесконечно любя брата, с ним соглашался, признавая огромное воспитывающее влияние, которое тот на него оказывал. По существу, так оно и было: «Саша сильно опередил меня в развитии и побуждал меня развиваться. С этой целью он поднимал один за другим вопросы философские и научные, присылал мне целые ученые диссертации в своих письмах, будил меня, советовал мне читать и учиться...» 1

1 Там же, С. 67.

Петр Алексеевич писал это в своих мемуарах уже в зрелом возрасте абсолютно искренне: он никогда не обижался на брата, даже когда тот бывал несправедлив к нему.

Переписка формировала их мировоззрение. В письмах братья обсуждали проблему выбора жизненного пути. «Человек должен иметь определенную цель в жизни», - писал Саша, упрекая брата в неопределенности его стремлений, в частой смене интересов, в желании объять необъятное. Помогая самообразованию брата, Александр, сам очень стесненный в средствах, покупал и посылал ему книги преимущественно научного содержания.

«Теперь я не могу без изумления вспомнить громадное количество книг, иногда совершенно специального характера, которое я тогда прочитал по всем отраслям знания...» * Серьезную философскую литературу читали они в подлинниках - на английском, французском,

немецком. В письмах мелькают имена Марка Аврелия, Монтескье, Гюзо, Бланки, Фогта...

Александр в эти годы особенно любил поэзию, сам сочинял стихи, а Пете посылал в письмах переписанные им стихотворения и даже целые поэмы Лермонтова, А. К. Толстого, Огарева, Веневитинова и других поэтов. «Читай поэзию, от нее человек становится лучше», - писал он в одном из писем.

Прежде всего брату поведал Петр о своем желании уехать по окончании корпуса в Сибирь, поступить в Амурское казачье войско. Они в нескольких письмах обсуждали эту тему.

«Годы 1857-1861 были, как известно, эпохой умственного пробуждения России» 2, - писал Кропоткин. А публицист Н. Шелгунов выразился поэтично: «Точно небо открылось над нами и куда-то потянуло вверх и вширь...»

2 Записки, С. 86.

В 1860 году вышла на русском языке книга Чарльза Дарвина «Происхождение видов», свершившая подлинный переворот в науке. В своей переписке братья Кропоткины уже давно вели дискуссию на темы биологической эволюции. По поводу статей московского биолога, по существу предшественника Дарвина в России, К. Рулье, Александр написал брату несколько писем-размышлений об изменчивости видов и проблеме наследственности, вовлек его в дискуссию, ставшую для Петра началом одного из важнейших направлений последующей его научной деятельности. Дарвиновская теория надолго заняла едва ли не центральное место в письмах братьев.

Начало 60-х годов характеризовалось небывалым прежде оживлением русской журналистики. Наибольшего тиража - более 7000 экземпляров - достиг в 1861 году журнал Н. Некрасова и И. Панаева «Современник». Раздел «Политика» вел Николай Чернышевский, «Иностранные известия» - Михаил Михайлов с участием Шелгунова. Переводились на русский язык и выборочно печатались в журналах книги «История цивилизации в Англии» Генриха Томаса Бокля и «О свободе» Джона Стюарта Милля, в которой, в частности, утверждалось, что «всегда вредно увеличивать правительственную власть без крайней к тому необходимости... Никто так не способен управлять каким-либо делом, как те, которые лично заинтересованы в этом деле». Далеким не случайным был интерес к этим книгам у русских интеллигентов.

60-е годы - время реформ

В Пажеском корпусе было принято: лучший ученик старшего класса получал звание фельдфебеля, что давало ему право пользоваться преимуществами офицера. Но главное, тем самым он становился камер-пажем императора, а это означало частое появление во дворце и непосредственно рядом с всероссийским самодержцем - на больших и малых выходах, балах, приемах, парадных обедах. Помимо того, каждое воскресенье фельдфебель должен был лично докладывать государю на разводе, что «по роте все обстоит благополучно». Неблагополучием считался только немыслимый в этих стенах бунт.

Кропоткин первым учеником был с самого начала, но в фельдфебели производить его не спешили: полагали, что он слишком мягок по характеру и не сможет обеспечить дисциплину в роте. И все же в 1861 году Кропоткин был назначен фельдфебелем и камер-пажем. Благодаря этому Петр смог близко познакомиться с придворной жизнью и лично с Александром II, которого в то время боготворил, видя в нем реформатора и освободителя крестьян. Он был готов в случае покушения на царя закрыть его своей грудью. Но в результате наблюдений за дворцовой жизнью, за «августейшей семьей» и самим Александром постепенно стал тускнеть этот ореол, утрачивались иллюзии насчет реформаторской деятельности императора.

Однажды Петр стал свидетелем того, как царь прошел мимо, не обратив никакого внимания на бросившегося ему в ноги с прошением старого крестьянина. Следовавший за императором Кропоткин представил себе, с каким трудом добрался крестьянин до этого царского выхода, и взял прошение, хотя камер-паж не имел права этого делать. Царь был очень недоволен.

Сразу же после смерти Николая I началась своеобразная «оттепель». Заключение мира, разрешение издания до сего времени запрещенных произведений Пушкина и Гоголя, предоставление права всем газетам освещать политические события, снятие ограничений на поступление в университеты, разрешение посылать за границу для совершенствования в науках молодых ученых, - все это произошло в первые два года правления Александра II, вступившего на престол в 1855 году.

Возвращаясь после подписания Парижского мира 1856 года, Александр выступил перед дворянством Москвы с речью, в которой сказал: «Лучше уничтожить крепостное право сверху, нежели ждать того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу». Царю хотелось, чтобы инициативу проявили сами дворяне: «Прошу вас, господа, обдумать, как бы провести все это в исполнение», - обратился он к ним. Эти первые шаги вызвали восторженную реакцию передовой русской интеллигенции.

В марте 1861 года Положение об освобождении крестьян России от крепостной зависимости было обнародовано.

Отношение братьев к реформе 1861 года, отменившей крепостное право, было вполне определенным: они ее приветствовали и видели в ней первое звено целой цепи реформ, которые привели бы российское общество к подлинному обновлению, демократизации, включению в число цивилизованных стран Европы, однако очень скоро стало ясно, что это было не совсем то, чего ожидали и интеллигенты-радикалы, и сами крестьяне. Положение усугубило желание царя задним числом угодить дворянству: Александр оставил при себе многих николаевских советников, поручил проведение реформы в жизнь тем людям, которые зарекомендовали себя яркими крепостниками.

Крестьяне ждали от царя-батюшки «полной воли» и всей земли. Они почувствовали себя обманутыми - не царем, в которого беззаветно верили, а дворянами-помещиками, искажившими, как им думалось, принятое решение.

Более тысячи поместий той весной были охвачены крестьянскими волнениями. Это не были бунты, хотя кое-где они назревали. Чаще всего крестьяне собирались лишь для того, чтобы разобраться в царском манифесте, где они хотели увидеть то, чего там не было. Но власти были напуганы этим движением, им казалось, что возможно появление нового Пугачева. И они даже его нашли.

На фоне общего крестьянского недовольства произошло событие, обозначившее крутой поворот во взаимоотношениях между самодержавной властью и разночинной интеллигенцией, принявшей на себя долг защиты интересов народа.

А случилось вот что. В селе Бездна Спасского уезда Казанской губернии крестьяне собрались перед домом единственного на всю округу «грамотея» Антона Петрова, который читал им Положение об освобождении крестьян, да так, что выходило, что в самом-то деле помещики «украли волю». Крестьян собралось много - тысячи четыре, а может быть, и шесть тысяч. И хотя никаких беспорядков они не устраивали, Александр II распорядился прислать войска. Граф Апраксин, возглавивший усмирение крестьян, направил в село две роты солдат. Было дано четыре залпа по безоружной толпе крестьян. И результат - 90 убитых (включая 40 человек, умерших от ран в больнице). Произошло это в апреле 1861 года, через полтора месяца после опубликования Положения об освобождении крестьян. Весть о беспощадном расстреле прежде всего достигла, конечно, Казани, которая была тогда в России третьим по значению университетским центром. Студенты заказали панихиду по «невинно убиенным». С речью на ней выступил их любимый преподаватель истории Афанасий Прокофьевич Щапов. Полубурят, учившийся в Иркутской бурсе, а потом в Казанской духовной академии, он решил посвятить себя русской истории. Но как настоящий интеллигент, не мог не откликнуться на события в селе Бездна. О погибших крестьянах Щапов сказал, что они пали искупительными жертвами деспотизма за давно ожидаемую всем народом свободу, а закончил речь словами: «Да здравствует демократическая конституция! Она нужна России, а также широкое и вечное самоуправление и саморазвитие!»¹

1 Щапов А. П. Собр. соч. - Иркутск, 1937. - Т. 2, С. 9.

На доносе казанского губернатора о произошедшей панихиде Александр II начертал: «Щапова необходимо арестовать», что и было исполнено. После освобождения А. П. Щапов еще несколько лет проработал в Петербурге, сотрудничая в журналах и газетах. Но потом все же был отправлен в бессрочную ссылку в Иркутск, где и встретился с Кропоткиным, на которого взгляды Щапова оказали значительное влияние.

В мае того же «года освобождения крестьян» произошла первая серьезная забастовка рабочих на чугунолитейном заводе в городе Лысьва Пермской губернии. Около 500 рабочих потребовали повысить оплату труда. И здесь власти решили прибегнуть к помощи войск.

Радикальная часть интеллигенции воспринимала ситуацию в стране как предреволюционную. Все шире распространялось убеждение в том, что мирным путем из кризиса не выйти - неизбежна революция.

Летом 1861 года стали появляться нелегально отпечатанные прокламации, распространявшиеся преимущественно студентами, которые с февраля были свободны, поскольку власти закрыли университеты столиц на восемь месяцев.

Первая прокламация «Великоросс» содержала обращение к «образованным классам России» и призывала «взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, чтобы спасти народ от истязаний». «Великоросс» выступал за конституцию, за учредительное собрание, против несовершенства крестьянской реформы, за предоставление свободы Польше. Арестован был распространитель листов молодой отставной офицер Владимир Обручев. Составители же найдены не были. В начале сентября появилась другая прокламация- «К молодому поколению», отпечатанная в Вольной русской типографии Герцена в Лондоне. Ее составили известный публицист Н. В. Шелгунов и поэт Михаил Михайлов. Защищавшая идею особого пути России, не повторяющего капиталистическое развитие Запада, она недвусмысленно призывала к революции. Михайлов, доставивший тираж (6000 экземпляров) в Россию и начавший его распространение, был арестован. Поэт и публицист, получивший широкую известность благодаря серии статей о роли женщин в семье и обществе, полностью взял на себя авторство прокламации и был приговорен судом к шести годам каторги и вечному поселению в Сибири. Это была одна из первых жертв репрессий Александра II наряду с расстрелянным по приговору военно-полевого суда Антоном Петровым и крестьянами, погибшими в селе Бездна.

Шелгунов, уйдя со службы, выехал с женой вслед за Михайловым в Нерчинский округ, где был потом арестован и заключен в Петропавловскую крепость. С ним, как и с Михайловым, Кропоткин встретится в Сибири.

В русском переводе появилось тогда немало сочинений выдающихся мыслителей Запада. Огромный успех имела книга Людвиг Бюхнера «Сила и материя». Она буквально овладела умами молодежи, пробудила в ней духовные силы. Под влиянием этой книги они последовали призыву Герцена, провозглашенному им в конце 1861 года по случаю закрытия университета: «В народ! К народу! - вот ваше место, изгнанники науки». Впрочем, массовое движение «в народ» началось лет через десять после этого призыва.

Осенью студенческие беспорядки прошли в Москве. 12 октября состоялось столкновение студентов с полицией около гостиницы «Дрезден». Ему предшествовали сходки, на которых обсуждалась петиция государю, демонстрация на могиле демократически настроенного профессора Грановского, походы с требованиями к попечителю учебных заведений и к генерал-губернатору, аресты...

Среди получивших телесные повреждения и арестованных во время схватки у гостиницы оказался Александр Кропоткин, только что поступивший в университет. Узнав об аресте брата, который длился недолго, Петр немедленно приехал в Москву. Спустя тринадцать лет ситуация как бы повторилась: арестован был Петр, и брат примчался издалека, чтобы помочь ему, но на этот раз дело неожиданно приняло трагический оборот для Александра...

«Я выбрал Амур...»

Настала весна 1862 года - время окончания Пажеского корпуса. Выпускники могли воспользоваться правом выбора места службы, наиболее перспективного для дальнейшей карьеры. Кропоткину было поручено обойти всех со списком «вакансий»: Кирасирский Его Величества полк, Преображенский, Конногвардейский...

Что же выбрать ему? Он мечтал учиться в университете. Но в этом случае нельзя было бы рассчитывать на помощь отца, который и слышать ничего не хотел о выборе сыном невоенного пути. Не исключалось и поступление в Артиллерийскую академию, где можно было получить неплохое физико-математическое образование. Но в душе рождалось совсем иное желание.

Тогда много писали о новых землях на крайнем востоке Сибири, освоение которых началось после заключения в 1858 году Айгунского договора с Китаем. Появились и научные труды исследователей Дальнего Востока, которые читал Кропоткин. Описания величественной природы края, примыкающего к Амуру, одной из крупнейших рек мира, увлекли его. И еще он думал о том, что если записаться в недавно образовавшееся Амурское казачье войско, штаб которого находился в Чите, то наверняка можно будет забыть об этой опостылевшей придворной парадности и заняться настоящим полезным делом.

Итак, он принял решение поступить на службу в Амурское казачье войско и вызвал этим недоумение всех своих товарищей, уже примерявших гвардейские мундиры. А в казачьем войске - форма самая невзрачная. Корпусное начальство было совершенно сбито с толку. Ведь Кропоткин был первым учеником, и вдруг - отказ от всех перспектив, пред ним открывающихся. Тем более что начальник корпуса получил телеграмму от отца: «Выходить на Амур запрещаю. Прошу принять нужные меры».

Воля отца значила в этом деле много, но случай помог...

Первым событием, вызвавшим репрессии в 1862 году, оказался неожиданный демарш тверского дворянства. В феврале этого года дворяне Тверской губернии на собрании приняли обращение к царю, в котором утверждалось, что осуществление намеченных реформ «невозможно путем правительственных мер», даже если будет проявлена полная готовность правительства их осуществить. Тверские дворяне потребовали для реального проведения реформ «собрания выборных от всего народа без различия сословия».

Это письмо вызвало гнев Александра II, к тому же среди подписавших обращение были два брата государственного преступника Михаила Бакунина, которому только что пребывание в крепости заменили ссылкой в Сибирь. По высочайшему распоряжению дворяне-«бунтовщики» были заключены в Петропавловскую крепость, а потом сосланы.

Еще одно событие оказалось по своим последствиям очень значительным - петербургские пожары в холодном мае 1862 года. Они начались в нескольких районах на Большой и Малой Охте, потом на Лиговском проспекте, достигнув апогея 20 мая грандиозным пожаром в центре города: загорелся Апраксин двор, занимавший с примыкающим к нему рынком обширное пространство между капитальными зданиями министерства внутренних дел, государственного банка, Публичной библиотеки и Пажеским корпусом. Огонь бушевал,

грозя перекинуться на Публичную библиотеку и уничтожить пол-Невского проспекта. На счастье, не было ветра, а не то все здания, к которым примыкал рынок, были бы уничтожены. После того, как удалось отвести опасность от банка, центром борьбы с огнем стал Пажеский корпус. Пажи приняли участие в тушении пожара. Петр был едва ли не самым активным из них. Всю ночь, до четырех часов утра, полыхал огонь. А на другой день фельдфебель Кропоткин провожал великого князя Михаила, приехавшего с обходом корпуса. Узнав о том, как юноша вел себя на пожаре, Михаил решил поддержать странный его выбор - «выход на Амур», пообещав снабдить высочайшей протекцией: «Я напишу о тебе генерал-губернатору и попрошу оставить тебя при штабе». Это покровительство снимало возражения отца. Теперь с ним можно было не считаться и ехать, даже вопреки ему.

Пожары были, несомненно, «на руку» правительству, рассчитывавшему значительную часть общества настроить против тех, кто ожидал более решительных действий на пути демократизации.

Сразу же по городу поползли слухи о поджигателях. Ими в правительственных кругах называли распространителей прокламаций. Полиция организовала усиленные поиски, которые ни к чему не привели: арестованных пришлось выпустить за отсутствием доказательств. В кругах же либеральной интеллигенции складывалось мнение о том, что поджоги организованы властями, чтобы иметь повод для усиления репрессий. И действительно, это усиление произошло.

П. А. Кропоткин.

Из «Записок революционера» 1

1 Записки, С. 9-103.

“ Жизнь текла тихо и спокойно, по крайней мере на посторонний взгляд, в этом Сен-Жерменском предместье Москвы. Утром никого нельзя было встретить на улицах. В полдень появлялись дети, отправлявшиеся под надзором гувернеров-французов или нянек-немок на прогулку по занесенным снегом бульварам. Позже можно было видеть барынь в парных санях с лакеем на запятках, а то в старомодных - громадных и просторных, на высоких, висячих рессорах - каретах, запряженных четверкой, с фореитором впереди и двумя лакеями на запятках. Вечером большинство домов было ярко освещено; а так как ставни не запирались, то прохожие могли любоваться играющими в карты или же танцующими. В те дни «идеи» еще не были в ходу; еще не пришла та пора, когда в каждом из этих домов началась борьба между «отцами и детьми», борьба, которая заканчивалась или семейной драмой, или ночным посещением жандармов. Пятьдесят лет назад никто не думал ни о чем подобном. Все было тихо и спокойно, по крайней мере, на поверхности.

В этой Старой Конюшенной родился я в 1842 году; здесь прошли первые пятнадцать лет моей жизни. Отец продал дом, в котором родился я и где умерла наша мать, и купил другой; потом продал и этот, и мы несколько зим прожили в наемных домах, покуда отец не нашел третий, по своему вкусу, в нескольких шагах от той самой церкви, в которой его крестили и отпевали его мать. И все это было в Старой Конюшенной. Мы оставляли ее только, чтобы проводить лето в нашей деревне.

Первые смутные воспоминания. Наша мать умерла от чахотки. Ей было всего тридцать пять лет. Прежде чем покинуть нас навсегда, она пожелала видеть нас возле себя, ласкать нас, быть на мгновение счастливой нашими радостями; она придумала маленькое угощение у своей постели, с которой уже не могла более подняться. Я припоминаю ее бледное, исхудалое лицо, ее большие, темно-карие глаза. Она глядит на нас и ласково, любовно приглашает нас сесть, предлагает взобраться на постель, затем вдруг заливается слезами и начинает кашлять... Нас уводят.

Я хорошо помню Крымскую войну... Обычный ход общественной жизни в Москве не был нарушен происходившей тогда великой борьбой. В деревне же, напротив, война вызвала очень подавленное настроение. Рекрутские наборы следовали один за другим. Мы постоянно слышали причитания крестьянок. Народ смотрел на войну, как на божью кару, и поэтому отнесся к ней с серьезностью, составлявшей резкий контраст с легкомыслием, которое я видел впоследствии в военное время в Западной Европе.

...Н. П. Смирнов, в то время уже окончивший университет (вторым кандидатом, первым был Б. Н. Чичерин, известный впоследствии профессор Московского университета), поступил в Гражданскую палату писцом на семь рублей в месяц. Возвращаясь из палаты, он часто покупал мне у Александровского сада, у букиниста, брошюры о войне, и из этих брошюр, которые я берег как «библиотеку», я узнавал о подвигах севастопольских героев.

Мне шел тринадцатый год, когда умер Николай I. Поздно вечером 18 февраля городские разносчики по домам бюллетени, в которых возвещалось о болезни царя и население приглашалось в церкви молиться за выздоровление Николая. Между тем царь уже умер, и власти знали про это, так как Петербург и Москва были соединены телеграфом. Но так как до последнего момента ни слова не было произнесено о его болезни, начальство сочло необходимым постепенно «подготовить народ». Мы все ходили в церковь и молились очень усердно.

На другой день, в субботу, повторилось то же самое. Даже в воскресенье утром вышли бюллетени о состоянии здоровья царя. Лишь в полдень от слуг, возвратившихся со Смоленского рынка, мы узнали про смерть Николая

I. Когда известие распространилось, ужас охватил как наш, так и соседние дома...

Помещики ждали ежеминутно бунта крепостных - новой пугачевщины.

В это время на улицах Петербурга интеллигентные люди обнимались, сообщая друг другу приятную новость. Все предчувствовали, что наступает конец как войне, так и ужасным условиям, созданным «железным тираном». Говорили о том, что Николай отравился... Истина, однако, раскрылась постепенно. Смерть произошла, по-видимому, от слишком большой дозы возбуждающего лекарства, принятого Николаем.

...Когда я читал донесение о сдаче Севастополя, о страшных потерях, которые понесли наши войска за последние три дня перед сдачей, мы все плакали. Все ходили после этого как если бы потеряли близкого человека. При известии же о смерти Николая никто не проронил слезы. Такое чувство было не у нас одних...

В августе 1857 года пришла моя очередь поступить в Пажеский корпус, и мачеха повезла меня в Петербург. Мне тогда было почти пятнадцать лет. Уехал я из дому мальчиком; но человеческий характер устанавливается довольно определенно раньше, чем обыкновенно предполагают, и я не сомневаюсь в том, что несмотря на отроческий возраст, я в значительной степени тогда был уже тем, чем стал впоследствии. Мои вкусы и наклонности уже определились.

...К концу зимы я попросил Беккера (учителя немецкого в корпусе.- В. М.) дать мне «Фауста». Я уже читал его в русском переводе; прочитал также чудную тургеневскую повесть «Фауст» и теперь жаждал узнать великое произведение в подлиннике.

- Вы ничего не поймете в нем, - сказал мне Беккер с доброй улыбкой, - слишком философское произведение.

Тем не менее он принес мне маленькую квадратную книжечку с пожелтевшими от времени страницами. Философия Фауста и музыка стиха захватили меня всецело. Начал я с прекрасного, возвышенного посвящения и скоро знал целые страницы наизусть. Монолог Фауста в лесу приводил меня в экстаз, особенно те стихи, в которых он говорил о понимании природы: «Могучий дух, ты все мне, все доставил... Ты дал мне в царство чудную природу... Ты научил меня собратий видеть В волнах и в воздухе, и в тихой роще...»

И теперь еще это место производит на меня сильное впечатление. Каждый стих постепенно стал для меня дорогим другом. Есть ли более эстетическое наслаждение, чем чтение стихов на не совсем хорошо знакомом языке? Все

покрывается тогда своего рода легкой дымкой, которая так подобает поэзии...

Первая лекция В. И. Классовского явилась для нас откровением. Было ему под пятьдесят; роста небольшого, стремителен в движениях, сверкающие умом и сарказмом глаза и высокий лоб поэта. Явившись на первый урок, он тихо сказал, что не может говорить громко, так как страдает застарелой болезнью, а потому просит нас сесть поближе к нему. Классовский поставил свой стул возле первого ряда столов, и мы облепили его, как рой пчел.

Он должен был преподавать нам грамматику, но вместо скучного предмета мы услышали нечто совсем другое...

Конечно, мы не все понимали и упускали глубокое значение многого, но разве чарующая сила учения не заключается именно в том, что оно постепенно раскрывает пред нами неожиданные горизонты? Мы еще не постигаем вполне всего, но нас манит идти все дальше и дальше к тому, что вначале кажется лишь смутными очертаниями... Одни из нас наваливались на плечи товарищей, другие стояли возле Классовского. У всех блестели глаза. Мы жадно ловили его слова... В сердцах большинства кипело что-то хорошее и возвышенное, как будто пред нами раскрывался новый мир, о существовании которого мы до сих пор не подозревали. На меня Классовский имел громадное влияние, которое с годами лишь усиливалось...

Западная Европа и, по всей вероятности, Америка не знают этого типа учителя, хорошо известного в России. У нас же нет сколько-нибудь выдающихся деятелей... в области литературы или общественной жизни, которые первым толчком к развитию не обязаны были преподавателю словесности. Во всякой школе, всюду должен был быть такой учитель. Каждый преподаватель имеет свой предмет, и между различными предметами нет связи. Один только преподаватель литературы, руководствующийся лишь в общих чертах программой и которому предоставлена свобода - выполнять ее по своему усмотрению, имеет возможность связать в одно все гуманитарные науки, обобщить их широким философским мировоззрением и пробудить, таким образом, в сердцах молодых слушателей стремление к возвышенному идеалу. В России эта задача, естественно, выпадает на долю преподавателя русской словесности.

То же самое следовало бы делать при преподавании естественных наук. Мало обучать физике и химии, астрономии и метеорологии, зоологии и ботанике. Как бы ни было поставлено преподавание естественных наук в школе, ученикам следует сказать о философии естествознания, внушить им общие идеи о природе, по образцу, например, обобщений, сделанных Гумбольдтом в первой половине «Космоса».

Философия и поэзия природы, изложение метода точных наук и широкое понимание жизни природы - вот что необходимо сообщать в школе ученикам, чтобы развить в них реальное естественно-научное мировоззрение. Мне думается, что преподаватель географии мог бы всего лучше выполнить эту задачу.

Лучшее время наступало, когда кончались экзамены; до выступления в лагери у нас... имелся почти месяц, совершенно свободный, а затем, по возвращении из лагерей, мы были опять свободны целых три или четыре недели. Те немногие из нас, которые оставались в училище, пользовались тогда полной свободой и отпуском в любое время. В корпус мы возвращались только есть и спать. Я работал... в публичной библиотеке, ходил в Эрмитаж и изучал там картины, одну школу за другой, или же посещал казенные ткацкие фабрики, литейные, хрустальные и гранильные заводы, куда доступ всегда открыт. Иногда мы отправлялись компанией кататься на лодках по Неве и проводили белые ночи - когда вечерняя заря встречается с утренней и когда в полночь можно без свечи читать книгу - на реке или у рыбаков на взморье.

Из посещения фабрик я вынес... любовь к могучим и точным машинам. Я понял поэзию машин, когда видел, как гигантская паровая лапа, выступавшая из лесопильного завода, вылавливает бревно из Невы и плавно подкладывает его под машину, которая распиливает ствол на доски; или же смотрел, как раскаленная докрасна железная полоса, пройдя между двумя цилиндрами, превращается в рельс.

Музыка тоже играла важную роль в моем развитии. Она являлась для меня еще большим источником наслаждения и энтузиазма, чем поэзия. В то время русская опера почти еще не существовала; но то был период расцвета итальянской оперы. В Петербурге она была чрезвычайно популярна...

Весь Петербург делился на два лагеря: на поклонников итальянской оперы и на завсегдатаев французского театра, где уже тогда зарождалась гнилая оффенбаховщина, через несколько лет заразившая всю Европу. Наш класс тоже разделился на два лагеря, и я принадлежал к итальянцам. Нам не позволялось посещать кресла или галереи, а ложи в итальянской опере разбирались за несколько месяцев до начала сезона по подписке, в некоторых домах абонементы передавались даже по наследству. Нам оставалось, таким образом, пробираться в оперу по субботам на верхнюю галерею, где мы скучивались «в проходе» и парились как в бане. Чтобы скрыть бросающиеся в глаза мундиры, мы должны были стоять даже там, несмотря на духоту, в застегнутых черных ватных шинелях с меховыми воротниками. Удивительно, как никто из нас не схватил воспаления легких, в особенности, если вспомнить, что мы, разгоряченные овациями нашим любимцам, простаивали потом подолгу на улице, у театрального подъезда,

чтобы еще раз поплодировать им. В то время опера каким-то странным образом связана была с радикальным движением. Революционные речитативы в «Вильгельме Телле» или «Пуританах» всегда вызывали шумные овации, немало смущавшие Александра II. А в шестом ярусе, в курительной и на подъезде собиралась лучшая часть петербургской молодежи, объединенная общим благоговением к благородному искусству.

Летом мы вступали в лагерь, в Петергоф, вместе с другими военными училищами петербургского округа...

Я понял тогда, как много в военное время зависит от духа армии и как мало можно сделать путем одной дисциплины, когда от солдат требуется больше, чем среднее усилие. Одной дисциплиной нельзя привести усталый отряд к определенному часу на поле битвы. Лишь энтузиазм и доверие могут в подобные минуты заставить солдат сделать невозможное. А для успеха на войне постоянно приходится выполнять «невозможное». Как часто впоследствии вспоминал я этот наглядный урок в Сибири, где во время научных экспедиций нам тоже приходилось все время выполнять невозможное.

Фронтное учение и маневры отнимали, однако, лишь небольшую часть лагерного времени. Мы много занимались практическими съемками и фортификацией. После нескольких предварительных упражнений нам давали буссоль¹ и говорили: «Снимите план этого озера или парка с его дорогами. Измеряйте углы буссолью, а расстояние шагами»... Мне эта съемка доставляла невыразимое удовольствие. Независимый характер работы, одиночество под столетними деревьями, лесная жизнь, которой я мог отдаваться без помехи, оставили глубокий след в моей памяти. Была интересна и сама работа. Когда я впоследствии стал исследователем Сибири, а некоторые из моих товарищей - исследователями Средней Азии, мы оценили, какой хорошей подготовительной школой послужили нам корпусные съемки.

1 Буссоль - геодезический прибор для определения магнитных азимутов - углов между магнитным меридианом и направлением на предмет.

В середине мая 1862 года, за несколько недель до нашего производства, наш полковник сказал мне:

- Кропоткин, приготовьте список выпускных. Сегодня его нужно будет отослать великому князю.

Я взял список воспитанников нашего класса и стал обходить товарищей. Каждый знал очень хорошо тот полк, в который поступит. Большинство щеголяло уже в саду в офицерских фуражках своего полка. Нам предоставлялось право выйти в любой гвардейский полк с первым чином

или же в армейский с чином поручика...

...Я уже давно решил, что не поступлю в гвардию и не отдам свою жизнь придворным балам и парадом. Пошлость светской жизни тяготила меня. Я мечтал поступить в университет, чтобы учиться и жить студенческой жизнью. Это значило бы, конечно, порвать окончательно с отцом, который мечтал совсем об ином, и перебиваться уроками. Тысячи студентов живут так, и такая жизнь меня несколько не страшила. Но как сделать первые шаги в новой жизни? Через несколько недель я оставлю корпус и должен буду обзавестись своим платьем, своей квартирой. Мне неоткуда было взять даже те небольшие деньги, которые понадобятся для начала... Таким образом, на поступление в университет не было надежды, и я давно думал об артиллерийской академии. Это избавило бы меня на два года от фронтальной ляжки; а в академии, кроме военных наук, я мог бы изучать математику и физику. Но в Петербурге тянул уже ветер реакции. В прошлую зиму с офицерами академии обращались как со школьниками. В двух академиях тогда были беспорядки, и в одной из них, инженерной, все офицеры, в том числе один мой большой приятель, вышли из академии.

И все более и более я останавливался на мысли о Сибири. Амурский край тогда только что был присоединен к России. Я читал об этом Миссисипи Дальнего Востока, о горах, прерываемых рекой, о субтропической растительности по Уссуре; восхищался рисунками, приложенными к «Уссурийскому путешествию» Маака, и мысленно переносился дальше, к тропическому поясу, так чудно описанному Гумбольдтом, и к великим обобщениям Риттера, которыми я увлекался. Кроме того, я думал, что Сибирь - бесконечное поле для применения тех реформ, которые выработаны или задуманы. Там, вероятно, работников мало, и я легко найду широкое поприще для настоящей деятельности.

Из переписки с братом Александром 1

1 Переписка Петра и Александра Кропоткиных. - М. - Л.: Acadetia, 1932. - Т. 1.

Март - апрель 1858 г.

“ Петр : «...Теперь о России. Я с жадностью слежу за всеми нововведениями, жду многого от царствования Александра II, но много, много нужно устранить и потом приниматься за эмансипацию. Теперь самодержавие невозможно, оно должно измениться, и если не удалось в 1825 г., то удастся теперь в скором времени, и, авось, мы доживем до того, что увидим Россию наряду с прочими европейскими государствами; многое, многое нужно будет переменить теперь, чтоб вышло что-нибудь порядочное. Что за роскошь при дворе! Собирают невероятные пошлины, чтобы содержать

неимоверно обширный двор...»

Александр: «...Я здесь читаю Искандера (Герцена - В. М.), 1-й № «Колокола», 1-й № «Полярной звезды» (1857) и его «Прерванные рассказы». Как хорошо, даром, что много желчи. Через него можно получить самые верные известия обо всем, что делается на Руси...

...Ты говоришь - «Разрушают старую систему: новая еще не создана. Предпринимают освобождение крестьян, а что главное не уничтожили» - вроде этого. Позволь же тебе сказать: для того, чтобы на месте старой системы создать новую, разве возможно иначе поступить, как не разрушить сперва старую...

Крепостное право есть главное и основное зло, начало всех злоупотреблений, всего, что только есть дурного в России; не уничтожив его, нельзя приняться ни за какие коренные и даже немного важные реформы».

Петр: ...Я действительно необдуманно выразился: «предпринимают освобождение крестьян, а что главное не уничтожили». Я повторил мнение других, но все-таки я размышлял об этом, очень интересовался этим, и вот что я подразумевал под самым главным: Самодержавие... Положим, Александр имеет очень добрые намерения, я уважаю его, но разве он не делает и вреда. (Конечно, сам он не виноват, виноваты предшественники его). Посмотри, каковы финансы в России?... Не лучше ли прежде сократить расходы, реже ездить на охоту, меньше держать лакеев, а потом освобождать крестьян... Сократить расходы, постепенно вести дела к уничтожению самодержавия, а вместе с этим уничтожить крепостное право, а уничтожать его одно... не то же ли это, что готовить бунт. Впрочем, быть может, нельзя иначе переменить правительство, как силою народа, но мне кажется, что можно, ведя дела постепенно, самому ограничить свою власть... Тут не нужно вовсе отречься от власти, а только ограничить ее, нужно только породить в себе сознание, что он не умнее всех, т. е. общего народного голоса...

Май 1858 г.

“ Александр: ...Ты очень поверхностно рассмотрел вопрос о том, что «уничтожили крепостное право, самодержавие осталось»... Конечно, конституционное правление полезно только в стране развитой. Россия же только начинает развиваться; развития она достигнет, когда все классы ее населения будут более или менее образованы, - что без свободы для народа невозможно.

Январь 1859 г.

Александр: ...Я мельком упомянул о необходимости изучать естественные науки: уверься в этой истине. Философия без естественных наук в основе есть нелепость. Как можно решать такие вопросы, какие теперь, например, волнуют нас, без знания законов природы. Политические науки также осознали необходимость положить в своей основе естествоведение. На историю, экономический быт народов открывается совершенно новый взгляд, который мы с тобой можем теперь только чутать. Теперь будет очень легко заниматься естественными науками, тем более, что ты хорошо знаешь математику. Разумеется, естественные науки имеют свои несовершенства... Мы стоим еще у порога изучения природы, в естественные науки не введен элемент философии. Они ограничиваются, по большей части, наведением, перечислением. Но уже занялась заря новой эпохи...

Февраль 1859 г.

“ Петр: ...Твое письмо ясно указало мне, что нужно мне заняться естественными науками, я решительно не имел о них никакого понятия, кроме каких-нибудь поверхностных сведений. Надо заняться...

Апрель 1859 г.

“ Петр: Ты разгадываешь причину, по которой он (отец) мне советует выйти в статскую службу. Он потому только советует мне это, что именно из Пажеского корпуса он рассчитывает, что хорошо выйду. У нас выпускают 10-м классом и многие (большая часть) выходят в министерство иностранных дел, на это-то он и рассчитывает. «Там дорога блистательная, говорит он: поедешь за границу, что всего лучше для твоего здоровья, и т. д.»

...Наконец я добился билета в Петербургскую публичную библиотеку, хотя и нельзя там бывать пажам, но они не знают, кто я. Посоветуй мне, что читать, редкостью книги не затрудняйся...

Июль 1859 г.

“ Александр: Я не могу признать за разумом того высокого значения, которое видят за ним, например, Искандер и, верно, - Шеллинг. Я не вижу никакого положительного доказательства тому, что мозг наш есть орудие, созданное природой, что мышление есть необходимое дополнение природы, крайнее звено ее саморазвития и т. п. И, во-первых, потому не верю во все это, что оно бездоказательно и что даже неизвестно, есть ли точно человек венец сознания...

Петр: ...Я заметил, что очень несведущ в философии, - я с ней знакомился урывками, из твоих писем. Поэтому мне часто встречаются слова, которые я

не могу понять... Мне необходимо начать свое знакомство с философией...

Август- октябрь 1859 г.

“ Александр: ...Если ты точно хочешь заняться философией, я тебе посоветую, пожалуй, с чего начать. Науку хорошо бы изучать, да и должно, в том порядке, как я изложил выше, только поставить физическую географию прежде сравнительной анатомии, да изучив сначала астрономию и высшую математику.

...В последнее время я решаю, брат, великие вопросы. Это об отношении бытия к мышлению. Что есть знание? В каком отношении оно находится к природе? Какое его значение? Скоро ли доберусь я в этом деле до конца, не знаю, но тогда познакомлю тебя со своими мыслями об этом предмете. Это, может быть, важнейший вопрос философии; Кант решил его в пользу неабсолютности (т. е. относительной достоверности) человеческого знания; это я без него знаю, но тут еще дальше надо вести дело: какое значение имеет сама критика разума; какое значение имеет самосознание и т. д. Жду с нетерпением «Критики чистого разума». Она, верно, на многое обратит мое внимание, да поможет и сообразить свои мысли.

Декабрь 1859 г.-февраль 1860 г.

“ Петр: Ты пишешь между прочим, что к чему историку примешивать политические теории, - довольно просто и ясно изложить события, - я с тобой не согласен, этого очень мало. Историк должен показать причины и последствия событий, он должен сказать, имело ли такое событие благодетельное последствие или нет, и, говоря про это, он должен изложить, на чем основывается он при этом разборе, - вот уже причины излагать свои политические убеждения и доказать их, а если бы ты ограничил историю одним перечислением фактов, это вышла бы летопись, не больше, а в истории должен быть прагматизм, т. е. изложение причин и последствий; историк должен показать, почему такой-то действовал так, вот его политические убеждения. Кроме того, он должен сказать, ошибалось ли разбираемое лицо или нет, т. е. разобрать отношение его убеждений к понятиям этой эпохи, в которую он жил...

Не знаю, до чего я так дойду со временем, меня интересует и желание получить практическое воспитание, и естественные науки, и история по временам затрагивает меня. На чем же я остановлюсь? Неужели ни на чем? Более и более убеждаюсь я в неспособности понимать философские книги; да и лень одолевает... Обломовщина? Избави бог. Зато вдвое более прежнего люблю я поэзию, и никогда стихотворения не могли доставить мне такое удовольствие, как теперь. Все это, однако ж, ничто. Я чувствую,

как вредит мне корпус, он убьет во мне последнее, что было хорошего!

Часто задаю я себе вопрос, что из меня выйдет? Не так давно еще я мечтал сделаться историком... теперь вполне убедился, благодаря тебе, в своей полной неспособности к этому. С естественными науками я очень мало знаком, мне кажется, что я мог бы ими заниматься. Наконец, математика довольно интересуется меня теперь и, по отзыву решительно всех учителей в корпусе, я способен к математике, задачи, над которыми другие ломают себе голову по несколько часов, мне достаются очень легко. Быть может, естественные науки сделаются моим главным предметом. Но, конечно, я считаю себя способным предаться науке, и меня тянет возможность в будущем уметь прилагать свои знания к делу, посвятить себя сельскому хозяйству, промышленности; сельское хозяйство теперь нужно улучшить. Системы обработки у нас, ты можешь убедиться в этом на деле, устарели, - вот обширное поприще. Конечно, для этого я считаю необходимым первоначальное образование, и поступление в университет есть мое первое желание, впрочем, все это такие мечты...

Я замечаю, что эта нелепая корпусная атмосфера вредно действует на меня, - пошлеешь с каждым днем... Скверно.

Я не теряю надежды достигнуть вольного гражданства. Я должен быть в университете; иначе я выйду необразованным. Я должен получить общечеловеческое образование, конечно, я не мечтаю быть ученым, но при моем невежестве при выходе из корпуса я не могу быть полезным членом обществу, итак, повторю мое давнишнее решение, я буду в университете, я никогда не изменял этого решения, не знаю, почему ты говоришь как о решенном, что я не хочу в университет.

Я писал о приложении естественных наук к сельскому хозяйству под влиянием различных впечатлений. Теперь скажу тебе, что не могу еще решить, на какой факультет пойду, может быть, на факультет естественных наук... это выяснится со временем, тогда решу, когда буду поступать. Я знаю только наверное, что буду всячески стараться попасть в университет, а потому благодарю тебя за совет выйти в гвардию.

Февраль 1860 г.

“ Александр: ...Но зачем мне быть студентом: а) чтоб пользоваться лабораториями, обсерваториями, музеями, лекциями? Всем этим я могу пользоваться и будучи сторонним слушателем... Чтоб стать кандидатом? Но зачем мне быть кандидатом?... На ученые степени я смотрю как на м. б. вырождающийся пережиток из остатков средневекового университета, желать кандидатства, воображая, что оно много поможет при отыскании места домашнего учителя - вряд ли умно.

Я получу скоро из Москвы... «Основы геологии» Лайеля*, которые очень советую тебе прочесть.

Март 1860 г.

“ Петр: Каждый человек, мне кажется, должен быть специалистом по какой-нибудь части, вот почему я и писал - общечеловеческое образование, т. е. такое, которое должен получить всякий, а вовсе не общее, ты меня не понял. Конечно, за общим не следует идти в университет! Вот почему я должен быть в университете.

Потом всякий должен быть полезным членом обществу, - конечно, не требуется, чтоб он так собою пожертвовал, чтоб ходил босиком, - а должен по мере сил... полезно трудиться на каком-нибудь поприще, а не то, что ему кажется полезным деспотизмом, так стараться вести деспотизм. Нет, от него требуется, по-моему, не более как честное исполнение своих обязанностей...

Теперь книги по части естественных наук сделались для меня насущною потребностью, как прежде исторические...

Август 1860 г.

“ Александр: ...Сейчас думал: вся моя жизнь сцепление размышлений - и только; я человек мысли, но не дела, потому моя жизнь решительно лишена всякого интереса: разве только моя борьба с обстоятельствами. Но других событий - нет. Потому-то я в тупик встаю, что еще написать тебе. Была пора, мы жили одной умственной жизнью, горела наша переписка; теперь не то: мы разошлись умственно, ты отстал от меня в том, что некогда занимало нас обоих. Не о чем писать, нить порвана... Ты отстал, ибо не склонен к умозрениям. Но предвижу я вновь шестивие рука об руку: пора готовиться Руси к свободе!... я уже начинаю понемногу волноваться! Тут мы, надеюсь, не разойдемся. Может быть, близко время, когда интересы народа найдут во мне участие, равное с интересами науки. Будь это хоть мечта.

Сентябрь 1860 г.

“ Петр: Вот еще чем я намерен позаняться и о чем хочу с тобой посоветоваться. Математика интересует меня, химия, сколько она мне немного известна, тоже интересна; я хочу поступить в Артиллерийскую академию... Итти в университет... но не рассчитываю я на себя на поприще ученого, профессора и т. д., наконец, мне хотелось бы быть сколько-нибудь полезным...

Я обращаюсь к тебе за советом, как ты об этом думаешь; напиши мне. Ты знаешь, что мне хотелось бы предпочтительно заняться сельским хозяйством, но, впрочем, мы переписывались об этом. Прощай. Пока писать нечего; но не забудь твоих слов про шестивие рука об руку. Припомнишь их когда-нибудь, - во мне будет верный товарищ.

Сентябрь - ноябрь 1860 г.

“ Александр: Твое желание поступить в Артиллерийскую академию очень похвально: замечу, однако, что вряд ли достигнешь путем, который выбираешь, целей, которых добиваешься. Деньги достаются очень и очень не легко тем, кто кончил курс в Артиллерийской академии. Управлять заводом - идеал почти недостижимый. Вообще - путь, тобой выбираемый, отнюдь не ведет к целям, которые тебя прельщают.

...Что до твоего предложения прислать мне денег: отказ. Я из собственного своего эгоизма прошу тебя не присылать; ты настолько меня любишь, что удовлетворишь моему эгоизму; поверь, что мне в сто раз приятней видеть тебя в относительном довольстве, чем себя. У тебя, брат, и так-то нет ничего. А ты готов снять для меня хоть рубашку. Спасибо тебе, мой друг; прими за правило: твоему брату приятней знать, что у тебя есть деньги...

...Я счел бы себя наисчастливейшим в мире, если б был знаком с Лавровым. Конечно, это невозможно. Лавров - Петр Лаврович*, полковник и читает в Артиллерийской академии механику.

... Скажу прямо: я не верю в тебя; корпус почти погубил тебя. С горьким, горьким чувством думаю я теперь о тебе; чем ты стал, мой милый, милый Петя? Что есть в тебе, кроме внешнего лоска? Я всегда был предубежден против первых учеников; очень редко выходят из них порядочные люди науки. Я слишком люблю тебя, чтоб выносить такое сознание равнодушно. Повторяю, сердце сжимается иногда о тебе. Гордая самоуверенность проглядывает у тебя... Ты человек не науки! Наука не для тебя; научное поприще так тернисто, что только страстная любовь и верность к науке может поддержать на нем человека...

Февраль 1861 г.

“ Петр: ...Ты, может быть, спросишь, что я делал все это время после праздников? - немного. Хотя и работал как лошадь. Я не хотел не исполнить обещания, хотел кончить перевод и кончил, работая целый день, ничего почти не читал, только занимался математикой и переводил. Эту неделю всю исключительно посвящу математике...

Февраль 1861 г.

Александр: Не хочется верить, что не настанет для нас пора лучшей жизни; только не с низших классов может начаться резня, как думают; все надежды свои я полагаю на дворянство, потому что оно одно сколько-нибудь находится под влиянием мысли о лучшей жизни, более правильной.

А может и то быть, что Александр II сам примет на себя инициативу в деле политического улучшения; нечего и говорить, что то было бы лучше: обеспеченнее, спокойней.

Март 1861 г.

“ Петр: ...Что, тебе, брат, сказать обо мне, немного есть что рассказывать. Занятия математикой идут обычной чередой. Химией занимаюсь также постоянно, время от времени, когда появляются финансы, занимаемся опытами в нашей маленькой лаборатории. Свободное время посвящаю музыке. Сегодня я урвался из корпуса в концерт, и... наслаждался, слушая, например, глубоко прочувственное трио Глинки из «Жизни за царя», сколько в нем родного, близкого сердцу, выплаканного, как и во всех русских мотивах.

Как в Москве приняли освобождение крестьян?... Народ везде с восторгом встречает царя, но только у всех недоумение какое-то. «Что ж мы, вольные, говорят, или как?», и в этом роде.

Сентябрь 1861 г.

“ Александр: ...Здесь, брат, у нас в университете черт знает что делают, не то что у вас. Никакого единодушия - ничего...Выкинем какой-нибудь скандал, чтобы закрыли университет. Закрытие нескольких университетов авось подействует на Александра...

Напиши немедленно и подробнее, что делается теперь в Петербурге.

Октябрь 1861 г.

“ Петр: Письмо твое получил вчера, но не отвечал вчера, потому что некогда было.

Вот что у нас делается.

Ничего хорошего, - везде подлость, мерзость, гадость. В понедельник на прошлой неделе, кажется, было собрание студентов университета. Университет закрыт.

...Начали хватать студентов, ловить всех, кого вздумается агентам тайной полиции. По всему городу ходят патрули, разъезды, в частях стоят команды, полки в готовности выступить, караулы усилены. Беспрестанно встречаем жандармов командами... Студентов переловлено до трехсот. Но они не унывают нисколько, всякого встречаешь с веселой физиономией... Общество им сочувствует...

Февраль 1862 г.

“ Петр: ...Мне припомнилось, что я писал где-то: «хоть бы на Амур отправиться». Теперь я думаю об этом, ведь на Амуре тепло... потом я люблю поездки, переезды, путешествия, если хочешь. Мне доставляет большое удовольствие видеть новые места.

Потом мы с тобой трактуем, что негодны мы ни к какой деятельности, но ведь я этого еще не испытал, годен или я ли нет: мне кажется, на что-нибудь да гожусь... Одно плохо - далеко... Вообще надо будет подумать об этом, разузнать о климате Амурского края, о растительности, природе и жизни. Наконец, о лицах, с которыми пришлось бы служить...

Я жду с нетерпением нового романа Тургенева «Отцы и дети». Ведь Рудин, Лаврецкий, эти типы Тургенева уже отживают свой век, их оттеснило новое поколение. Каким-то он его представляет?

Прощай. В июне увидимся на несколько дней...

Март 1862 г.

“ Александр: Как можешь уже догадаться, ехать на Амур я не советую тебе; прошу даже тебя не ехать туда. На Амуре ты можешь только хандрить и мучиться еще более, чем в Москве и Петербурге. Золотой месяц наслаждения новизной пройдет быстро. Только естествоиспытатель может ощущать в себе неумолкаемую любовь к природе, наслаждаться ею ежедневно, ежечасно... Простое созерцание наскучит быстро; для обыкновенного смертного любовь к природе возможна только перемежающаяся, в воспоминании, или же в сердце, как любовь к родине...

Март 1862 г.

“ Петр: ...Ты говоришь, обдумай свои потребности и тогда решишь и т. д. Но ты знаешь, пожалуй, не хуже меня мои потребности, - я не раз тебе высказывал их и на словах, и в письмах: мне желательно, чтоб мне не мешали заниматься тем, чем мне вздумается заниматься, т. е. читать,

